

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

1998

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К XII Международному конгрессу славистов	
200-летие со дня рождения Мицкевича	
А. В. Архипова. «Дяды» А. Мицкевича и русская литература	3
С. Л. Каганович. Пушкин и Мицкевич (национальные особенности ориентального стиля)	28
Е. О. Ларионова. «Когда народы, распри позабыв...» (А. И. Тургенев на парижских лекциях Мицкевича 1840—1842 годов)	35
С. И. Николаев. К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (Письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету)	46
—	
Е. Имендёрфер (ФРГ). Первые детские басни в России XVIII века	51
В. Гольштейн (США). Жертва и долг в «Дяде Ване»	65
Е. К. Соколинский. О гротеске у Л. Н. Андреева (на материале произведений малых форм)	75
С. Л. Санкина. Легенда о небесном госте: В. В. Хлебников	84
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Т. Н. Архангельская. Русские издания «Размышлений» Марка Аврелия в яснополянском доме Л. Н. Толстого	102
Эрхард Хексельшнайдер (ФРГ). Последние годы жизни П. А. Габбе в Зонненштейне	107
П. Тирген (ФРГ). О рецепции Гончарова в немецкоязычных странах	113
М. В. Безродный (ФРГ). Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма	119
Бобан Чурич (Югославия). Библейские мотивы в рассказе Льва Лунца «В пустыне»	131

Янина Салайчик (<i>Польша</i>). Киносценарий Льва Лунца «Восстание вещей» и тема мировой катастрофы в литературе XX века	137
Игорь Инов . Аркадий Аверченко в Чехии (по материалам пражских архивов и чешской периодики 20-х годов)	142
П. В. Куприяновский . К истории отношений Горького и Бальмонта	157
С. А. Алексеев и его «Повесть» (вступительная статья Д. С. Лихачева)	165
С. А. Алексеев . Повесть	166

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Алексеев . Богословская литература Киевской Руси	192
С. И. Николаев . Первое издание «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого	197
Л. Г. Фризман . Жизнь и творчество Крылова	199
О. А. Балдина, А. С. Янушкевич . Дитрих Герхардт как исследователь творчества В. А. Жуковского	201
Е. А. Краснощекова (<i>США</i>). Вальтер Скотт и русский исторический роман	206
Т. А. Китанина . Опыт систематизации литературных сюжетов	208
Гейр Хьетсо (<i>Норвегия</i>). Долгожданное издание писем М. Горького	210

РЕПЛИКА

Д. С. Лихачев . Проповедь или поступок? (Ответ на юбилейное приветствие Д. М. Буланина)	212
--	-----

ХРОНИКА

Н. М. Бассель (<i>Эстония</i>). Международные Достоевские чтения в Таллинне	214
О. Л. Новикова . Заседание, посвященное памяти Варвары Павловны Адриановой-Перетц	216
Д. С. Лихачев . Слово о Варваре Павловне Адриановой-Перетц (выступление на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, посвященном памяти Варвары Павловны Адриановой-Перетц 17 декабря 1997 года)	219
В. Ю. Вьюгин . Роман Л. Леонова «Пирамида». III научный семинар	222
В. Ю. Вьюгин . Наследие Андрея Платонова (1941—1951 года)	228
М. Д. Эльзон . Памяти А. Д. Алексеева	235

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора), **Г. Я. ГАЛАГАН** (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, **Г. А. ГОРЫШИН**, **В. Я. ГРЕЧНЕВ**, **Н. А. ГРОЗНОВА**, **Б. Ф. ЕГОРОВ**,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, **А. М. ПАНЧЕНКО**, **В. А. ТУНИМАНОВ**, **С. А. ФОМИЧЕВ**

Отв. секретарь редакции **М. Д. Кондратьев**

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

РЕПЛИКА

Д. С. Лихачев

ПРОПОВЕДЬ ИЛИ ПОСТУПОК?

(ОТВЕТ НА ЮБИЛЕЙНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ Д. М. БУЛАНИНА)

Получив № 1 журнала «Русская литература» за 1997 год, я до конца 1997 года не заглядывал в статью обо мне Д. М. Буланина под широковещательным заглавием «Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века», так как не предполагал найти в ней что-либо для меня интересное.

Прочтя же статью, я понял, что мне на нее следует отвечать, так как она вся направлена на то, чтобы создать обо мне ложное представление. Статья оказалась не столько *поздравительной*, как можно было предполагать по ее месту в журнале и времени выхода номера, сколько *разоблачительной*, почти что *проработочной*. Образ юбиляра был истолкован совершенно ложно, но для этого автору пришлось создать на двух-трех страницах свою ни на чем не основанную концепцию русской культуры конца XX века (вот как высоко потребовалось подняться, чтобы «оценить» мою скромную персону!).

Буланин определяет мою роль как роль наставника, учителя жизни. Он пишет: «Достаточно *беглого знакомства* с книгами, статьями, выступлениями и интервью юбиляра, вышедшими за последние годы, чтобы признать правомерность моего определения» (с. 3; курсив мой. — Д. Л.).

Увы, «беглого знакомства» недостаточно. Я действительно много выступаю в газетах и журналах, много даю интервью, но названия моих статей в основном придумываются журналистами по законам журналистики. Мои же статьи главным образом связаны с той или иной ведущей мною борьбой за сохранение культуры. Есть только одно исключение — книга «Письма о добром и прекрасном». Ее содержание действительно подходит под понятие «проповеди», «наставления», но она имеет специальное назначение — для средней школы и обращена к читателю-подростку. Есть еще несколько статей в защиту культуры на основе моих выступлений на Первом и Втором съезде народных депутатов, где никто другой больше не решился говорить о культуре. Не думаю, что эти тексты оправдали бы Буланина, решительно охарактеризовавшего мою роль в последние годы как бесплодного «учителя жизни» и проповедника «определенного» (какого именно?) «нравственного учения».

Все мои статьи имеют не «проповедничес-

кую» цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры, не только русской культуры, а культуры в целом.

Перечислю бегло объекты моей озабоченности: это Невский проспект в Петербурге; Кремль в Словках; подмосковные усадьбы (в первую очередь Мураново и Шахматово); фрески Ковалева, Вологова, Нередицы в Новгороде; Воронцовский дворец в Алушке; Лесковицы в Чернигове; парки в Петергофе, Пушкине, Гатчине, Павловске, Выборге; озеро Байкал; направление течения рек в Сибири, Средней Азии и т. д.; это научные библиотеки, рукописные собрания, состоящие запасников музеев, средних школ и высших учебных заведений; это публикация в серии «Литературные памятники» воспоминаний «монархиста» А. Бенуа, житий византийских святых, в Гослите — романа Пастернака «Доктор Живаго» и многого другого, за что мне неоднократно «попадало».

Не могу сказать, что мои усилия не дали результатов. Напротив, большинство моих акций оказалось успешными. Охотно шел мне навстречу и Президиум Академии наук. В частности, по моему докладу в Президиуме была создана Археографическая группа под руководством акад. С. О. Шмидта, а под моим руководством — археографические группы в Ленинградском отделении Архива АН СССР и в Пушкинском Доме. Мне удавалось добиваться аспирантских ставок в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Поэтому я никак не могу согласиться, что я был занят «бесполезным делом» — проповедью. У меня не было никакого своего «нравственного учения», были *поступки* — согласно велению совести. Совесть, если она есть, объединяет людей.

Определенное «учение» тем не менее у меня существует, и оно реализуется мной в изучении литературы (см. работу Ф. Лесур «Д. Лихачев, историк и теоретик литературы» в издании «Д. Лихачев. Историческая поэтика русской литературы», 1997, с. I—LXVII), в моей книге «Текстология» и в моей книге «Поэзия садов» (тема пришла ко мне в поздний период моей деятельности, и это противоречит представлениям Буланина о моем отходе от науки в последние годы).

Отмечу еще, что «комплексом мученичества» я не обладаю, на собраниях узников ГУЛАГА

ни разу не ходил и в своих «Воспоминаниях» о Соловках пишу спокойно и главным образом о людях.

Спокойно отношусь я и к той травле, которой особенно подвергался в 40—70-е годы, когда велась проработка, когда были произведены нападения на меня на площадке перед моей квартирой или через полгода неудачная попытка поджечь квартиру.

Наконец, самое непонятное: о моих якобы попытках «искусственно» (!) приблизить к себе культуру дореволюционной интеллигенции. Я не могу в своих «Воспоминаниях» обойти факт моего общения с Евгением Павловичем Ивановым — другом Блока; с семьей Юрия Анненкова; с семьей Ивана Пуни (моя мать была подругой его сестры); с семьей Анны Митрофановны Аничковой (Иван Странник); не могу обойти и моего ученичества в 20-е годы у В. М. Жирмунского, у А. А. Смирнова (это все активные деятели «серебряного века», частичный распад которого начался в 1918 году, а завершение произошло в конце 20-х годов, в пору «академического дела»). Не могу не писать об А. А. Мейере, с которым работал в одном помещении на Соловках. Что делать, если я действительно был знаком с А. Ахматовой. Есть ли во всем этом «желание пережить чужое как свое» и почему все это должно относиться к моему 10-летнему возрасту?

В заключение о самом главном — о чисто головной, не основанной на изучении фактов концепции русской культуры Д. М. Буланина.

Заимствовав некоторые свои положения из работ А. М. Панченко, Д. М. Буланин делает поспешный и, как всегда у последователей, огрубляющий создателя концепции вывод: «Само усвоение словесностью учительной, т. е. в сущности священнической, функции является ярким проявлением консерватизма русской культуры, архаичности движущих сил, определяющих ее развитие» (с. 5). Показатель отсталости русской классической литературы, ее «средневекового привкуса», выразился, по Д. М. Буланину, например, в том, что русская классическая литература «так и не создала „искусства для искусства“». Для „русского Парнаса“ не было места в обществе, ждавшем от литературы религиозных и нравственных откровений» (с. 7). Оказывается, что русская классическая литература, «бесцеремонно вторгаясь в сферы, находившиеся в компетенции других искусств», «воспрепятствовала разви-

тию в России отвлеченного богословия и классической философии» (с. 7).

Д. М. Буланин пишет: «Россия — крестьянская, а значит, весьма консервативная страна» (с. 5). Однако русское крестьянство было отнюдь не все консервативно. Дело обстояло значительно сложнее. Напомним, что Февральская революция была сделана в основном крестьянами в солдатских шинелях. Если консерватизм был свойствен русской культуре в целом (с. 5), то чем объяснить великолепные русский авангард, «Дягилевские сезоны» в Париже и т. д.?

Обвинив русскую литературу и русское читающее общество в различных грехах, Д. М. Буланин считает себя компетентным вершить свой суд в весьма далеких от его специальности областях, например: «Стиль „модерн“ прошел в России почти незамеченным» (с. 12); «Россия не дождалась до подлинного капитализма» (с. 12) и пр.

Как бы оправдываясь, Буланин пишет: «Сложный и противоречивый процесс осознания русской классической литературой уготованной ей миссии — миссии наставницы жизни едва ли можно представить на нескольких страницах» (с. 5). Но если нельзя, то зачем же этим заниматься? Тем более что охотников кинуть камнем в большую мать так много, особенно из числа людей, мнящих себя «европейцами», вынужденными жить в отсталой стране. Было бы ошибочным подвергать чисто «головную» схему Д. М. Буланина подробному разбору.

Наконец, последнее, на что мне хотелось бы обратить внимание читателя: если на протяжении всего своего «юбилейного поздравления» Буланин ставит вопрос о моем *праве* писать о старой русской интеллигенции, с которой судьба меня свела не только в детстве (якобы «10-летним мальчиком»), но сводила и в более позднее время, то можно поставить вопрос — какое *право* имеет судить обо мне человек, годящийся мне в сыновья и на судьбу которого я так или иначе в свое время повлиял?

В заключение мне остается поблагодарить журнал «Русская литература» за предоставленную мне возможность изложить, хотя и кратко, понимание мною моего общественного поведения. Когда суждение опровергает мнение «другого», оно обычно гораздо более точно, более зрело, чем мнение, высказанное «на пустом месте».